

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ДУДИНА Виктория Ивановна

**ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ МАТРИЦЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ**

Специальность: 22.00.01 – Теория, методология и история социологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора социологических наук

Санкт-Петербург

2018

Работа выполнена на факультете социологии
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Официальные
оппоненты: **Девятко Инна Феликсовна**, доктор
социологических наук, профессор, профессор
ФГАОУ ВО Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики», Факультет
социальных наук

Бронзино Любовь Юрьевна, доктор
социологических наук, доцент, профессор ФГАОУ
ВО «Российский университет дружбы народов»,
Факультет гуманитарных и социальных наук

Быстрянец Сергей Борисович, доктор
социологических наук, профессор, профессор ФГБОУ
ВО «Санкт-Петербургский государственный
экономический университет», Гуманитарный
факультет

Ведущая
организация: **ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет», г. Москва**

Защита состоится «19» июня 2018 г. в 16:00 часов в ауд. 324 на заседании диссертационного совета Д 212.232.06, созданного на базе ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», по адресу: 191124 Санкт-Петербург, ул. Смольного д. 1/3, 9 подъезд, ауд. 324

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9 и на сайте <https://dissser.spbu.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат социологических наук

С. Д. Савин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования.

Исследовательский процесс в социологии постоянно развивается: меняется характер доступных данных – от социальной статистики, результатов массовых опросов и нарративов качественных исследований, к цифровым данным, появляющимся в контексте развития информационных технологий; меняется использование теории в исследованиях – от попыток построения единой теории к мирному сосуществованию различных теоретических перспектив; меняются социальные функции социологического знания – от социальной рефлексии к инструменту политического и рыночного управления. Изменения многочисленны, разнообразны и затрагивают самые разные аспекты исследовательской деятельности. Новейшие тенденции общественного развития, связанные с интенсивным распространением цифровых технологий и возможностями обработки больших массивов цифровых данных, кардинальным образом меняют конфигурацию социальных наук и, в частности, социологии, порождая ряд теоретико-методологических и эпистемологических проблем, разрывов и несоответствий, которые требуют рефлексии и анализа.

Изменения в характере данных, получившие название «революции данных», вдохновляющие представителей многих наук на методологические новации, становятся очередной проблемой социологов, так как новые данные с трудом вписываются в прежние теоретические модели, что ведет к рассогласованию теорий и исследовательских практик. Распространение цифровых данных, с одной стороны, предоставляет социологам широкие возможности по исследованию социальной реальности, но, с другой стороны, бросает социологическому знанию новые вызовы. В настоящее время развитие методов обработки и анализа больших объемов данных идет более быстрыми темпами, чем теоретическое осмысление и интерпретация полученных результатов с точки зрения социологии, что в недалеком будущем может поставить под вопрос саму возможность социологии как автономной дисциплины. Распространение новых данных входит в противоречие с существующими средствами описания в социологии, что заставляет говорить о необходимости разработки новой эпистемологии социальных наук¹ и «фундаментального переопределения предмета

¹ Kitchin R. Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts // Big Data & Society. 2014. Vol. 1. N 1. – P. 1–12; Corti L., Fielding N. Opportunities From the Digital Revolution: Implications for Researching, Publishing, and Consuming Qualitative Research//SAGE Open. 2016. October-December. P. 1–13; McFarland D., Lewis K., Goldberg A. Sociology in the Era of Big Data: The Ascent of Forensic Social Science // The American Sociologist. 2016. Vol. 47. N 1. P. 12 – 35; Halford S., Savage M. Speaking sociologically with big data: symphonic social science and the future for big data research //Sociology, online first, 2 June. – 2017. – P. 1-18.

социальных наук»². В контексте описанных трансформаций дискуссии о статусе социологического знания переносятся из области социологической теории в область эпистемологии и исследовательской методологии, актуализируя задачу рефлексии оснований дисциплины и ревизии доминирующих логик научного исследования. Решение подобной задачи для социологии затруднено тем, что современное состояние социологического знания характеризуется высокой степенью теоретико-методологической раздробленности – многообразие теорий и методов, с которыми работают социологи, сопровождается ростом числа отраслевых социологий и мозаичностью тематик конкретных исследований. Поэтому в условиях изменения общей конфигурации социальных наук, понимания внутренней логики отдельных исследовательских перспектив становится недостаточно. На повестку дня выходит вопрос о том, как многообразные модели исследовательской деятельности, основывающиеся на разных эпистемологических допущениях, соотносятся между собой, какие перспективы открывают для исследования социальной реальности, в чем заключаются преимущества и ограничения этих перспектив. В условиях признанной мультипарадигмальности социологии, исследование оснований дисциплины не может вестись исключительно из перспективы философской эпистемологии, которая занимается поиском наиболее общих оснований познания, или из перспективы философии социальных наук, поскольку дисциплинарная оторванность этой области от социологии обуславливает герметизацию эпистемологического дискурса и не способствует развитию исследовательской практики социологии. Подобное исследование требует взгляда изнутри дисциплинарного поля и задает координаты для развития эпистемической рефлексивности социологии. Сдвиги в конфигурации научного знания актуализируют потребность в метатеоретических и метаметодологических исследованиях и выносят на повестку дня необходимость анализа эпистемической конфигурации социологического знания, в рамках которой сосуществуют модели исследовательской деятельности, основывающиеся на разных эпистемологических допущениях. В этих условиях актуальной задачей становится эпистемическое картографирование исследовательской деятельности в социологии и разработка концептуальных средств, которые позволили бы осуществить подобную задачу без потери своеобразия отдельных исследовательских перспектив и без сведения их исключительно к классификации теоретического знания.

Степень разработанности проблемы. В контексте постпозитивистских представлений о многообразии моделей науки и научности, распространившихся в середине XX века, возрос интерес к ревизии эпистемологических оснований социального знания. Работы Т.

² Savage M., Burrows R. After the crisis? Big Data and the methodological challenges of empirical sociology // Big Data & Society. 2014. April–June. P.3.

Куна, Л. Лаудана, К. Поппера, М. Полани, Р. Рорти, С. Тулмина, П. Фейерабенда, Л. Флека и др. проблематизировали классическую концепцию научности и задали координаты для ее пересмотра. В этом контексте рост эпистемической неуверенности социологии и недостаточность существующих эпистемологических концепций для обоснования социологического знания и решения конкретных проблем исследовательской практики вызвали к жизни широкую акцепцию эпистемологической проблематики в рамках социальных наук, в частности социологии. Эти тенденции были усилены разработкой сильной программы в социологии знания (Д. Блур, Б. Барнс, С. Шейпин), обосновавшей возможность использования социологии как замены философского анализа оснований познания и способствовавшей расширению претензий социологии до общенаучной эпистемологии. Исследования науки, как практики и связанные с этим исследования эпистемических культур в рамках социологии научного знания развивались в работах Б. Латтура, С. Вулгара, К. Кнорр-Цетины, М. Малкея, Дж. Гилберта. Однако, преимущественным объектом интереса этих авторов выступила исследовательская практика естественных наук и экономики, практика социологии практически не попадала в сферу их анализа.

Проблемы эпистемологии социального познания из перспективы социологии рассматриваются в трудах многих исследователей, в частности Г. Батыгина, П. Бурдые, З. Баумана, Р. Брауна, В.В. Васильковой, В.С. Вахштайна, Э. Гидденса, А.Б. Гофмана, И.Ф. Девятко, В.Я. Ельмеева, О.И. Иванова, Н.Е. Копосова, В.Я. Фетисова, А.Ф. Филиппова и др. Анализ базовых предпосылок социального познания и неявных социальных детерминант мышления социальных исследователей содержится в трудах П. Бурдые, А. Гоулднера, А. Голдмана, Ю.Л. Качанова, П. Уинча, Р. Фридрихса, М. Фуко, С. Фуллера. Социальная эпистемология (А. Голдман, С. Фуллер) и эмпирически ориентированная эпистемология (Я. Хакинг, Н. Картрайт, А. Файн) создали основу для анализа эпистемических аспектов социологического знания. В отечественной философии науки проблемы эпистемологических оснований социального познания рассматривались в работах П.П. Гайденко, В.В. Ильина, В.А. Канке, В.А. Лекторского, М.К. Мамардашвили, Е.А. Мамчур, Л.А. Микешиной, В.Н. Поруса, В.С. Степина, О.Е. Столяровой, Г.Л. Тульчинского, В.С. Швырева.

Специфическим решением проблемы эпистемической неуверенности социологии становится эпистемическая рефлексивность. Проблематика эпистемической рефлексивности в социологии, когда внимание исследователя направляется на структуру и особенности исследовательской деятельности, на те допущения и ограничения, которые формируют исследовательскую практику, составляет существенную часть дискурса социальных наук, начиная со 2-й половины XX в. Эпистемическая рефлексивность в социологии рассматривается в работах П. Бурдые, С. Вулгара, М. Эшмора, А. Гоулднера, Ю. Н. Давыдова, Б. Латтура, М. Линча,

К. Матона, М.Сандеровски, М.А. Соболевской, Г. Терборна, Г.Б. Юдина. Формой эпистемической рефлексивности, предлагающей наиболее развитые аналитические инструменты, является метатеоретизирование. Разработка метатеоретических концепций, устанавливающих связь между отдельными частями и уровнями социологического знания, систематизация и обобщение исследовательских логик и моделей исследовательской деятельности представлена в концепции аналитического теоретизирования Дж. Тернера, теоретической логики Дж. Александера, в работах М. Арчер, У. Аутвейта, Э. Гидденса, Н. Смелзера. Парадигмальный анализ социологического знания содержится в работах В.А. Бачинина, Т. Джонсона, К. Дандекера, Г.Е. Зборовского, Р. Коллинза, С. А. Кравченко, Дж. Ритцера, Ж.Т. Тощенко, Р. Фридрихса, В. Г. Федотовой, К. Эшуорта, В. А. Ядова и других. Анализ эволюционных этапов социологического теоретизирования и развития социологического знания содержится в работах: М. Буравого, Г.С. Батыгина, А. Б. Гофмана, Ю.Н. Давыдова, Д.В. Иванова, Л.Г.Ионина, Н.В.Романовского, П. Штомпки, Г. Терборна, И. Валлерстайна. Анализ социологического теоретизирования в контексте разных типов рациональности рассматривается в работах Л.Ю. Бронзино.

Метаметодологический анализ содержится в работах М. Бревера, Г. Блюмера, Н. Денцина Дж. Ирвина, Г.В.Каныгина, Б. Коллинза, Р. Поусона, Ч. Рагина, Г.И.Саганенко, А. Сикурела, Г.Г. Татаровой, С. Тернера, Ю.Н. Толстой, П. Фурфея, М. Хаммерсли, А. Хантера, С. Чжао и др. Переосмысление логики социологического исследования из конкретной теоретической перспективы содержится в работах В.И. Ильина, Н. Денцина, П. Диркмейера, П.И. Смирнова, И. Хельбрехта, П. Шварц-Ши, Д. Янова. В рамках мета-методологии отдельно можно выделить немногочисленные работы, посвященные типологизации и классификации моделей исследовательской деятельности. Парадигмальную классификацию подходов к исследованию осуществили Э. Губа и И. Линкольн³. Схожий подход продемонстрирован М. Кротти⁴ при классификации «теоретических перспектив». Проблематика структурирования исследовательской деятельности и построения различных моделей теоретического роста содержится в работах Дж. Бергера, М. Зелдича, Д. Вагнера. В работах И.Ф. Девятко рассматриваются основные модели социологического объяснения, существующие в современной социологии.

Такое направление метаметодологических исследований как изучение фундаментальных структур, лежащих в основе использования исследовательских методов, актуализировалось в 1980-х годах на волне

³ Guba E. Foreword // The Paradigm Dialog. Newbury Park, CA, 1990; Lincoln Y., Cuba E. Paradigmatic controversies, contradictions, and emerging confluences// Handbook of qualitative research / Ed. by N. Denzin and Y. Lincoln. 2nd ed. London, 2000. P. 163-188.

⁴ Crotty M. The foundations of social research: Meaning and perspective in the research process. Thousand Oaks, CA, 1998.

смены доминирующей эпистемологии. Работы таких авторов, как Р. Посон, С. Тернер, А. Тудор, М. Бревнер, Б. Коллинз⁵ были направлены на подрыв, реформирование или преодоление доминирования позитивистской эпистемологии в области методологии. В настоящее время, в контексте новой эпистемической революции, связанной с распространением цифровых технологий, проблематика эпистемологических оснований исследовательской методологии снова выходит на первый план и проблематизируется в работах Д. Булье, С. Вулгара, Р. Китчина, К. Кнорр-Цетины, Б. Латура, Дж. Ло, Т. Осборна, Н. Роуза, Э. Рупперт, М. Саважа, Д. Урри и др. Намечая возможные пути развития социологической методологии, данные авторы, тем не менее, не связывают свои решения с более широкой конфигурацией социологического знания. Однако чтобы понять место новых методов и подходов в общей структуре социологического знания, важно рассмотреть, как существующие типы рациональности и эпистемологические основания раскрывают пространство для разных типов исследовательской деятельности в социологии, увязывая в сравнительном аспекте конкретные методы и теории с общими допущениями и эпистемологическими основаниями исследовательской деятельности. И здесь возникает практически не разработанная проблематика эпистемического картографирования поля социологии с акцентом не на классификации теоретических подходов, а на особенностях исследовательских перспектив и моделей исследовательской деятельности.

Цель исследования: реконструировать эпистемическую конфигурацию современного социологического знания с точки зрения сосуществования различных моделей исследовательской деятельности и на этой основе определить основные векторы эпистемических трансформаций социологического знания, обусловленных распространением цифровых технологий.

Реализация цели исследования предполагает решение следующих **задач:**

1. рассмотреть трансформацию подходов к обоснованию социологического знания;
2. описать особенности эпистемической рефлексивности в социологии как средства объективации познавательных средств дисциплины;
3. проанализировать стратегии метатеоретизирования в современной социологии;
4. разработать аналитический конструкт для концептуализации эпистемической конфигурации социологического знания в контексте

⁵ Pawson R. A Measure for Measures: A Manifesto for Empirical Sociology. London and New York, 1989; Turner S. Sociological Explanation as Translation. Cambridge, 1980; Brewer M., Collins B., eds. Scientific Inquiry and the Social Sciences. San Francisco, 1981; Tudor A. Beyond Empiricism: Philosophy of Science in Sociology. Boston, 1982.

изменяющихся типов научной рациональности и плюрализма критериев оценки научного знания;

5. эксплицировать неявные допущения о позиции исследователя, предметном поле социологии и особенностях социального познания и реконструировать их связь с исследовательской практикой социологии в сравнительном аспекте;

6. определить основные контуры социологической методологии в контексте эпистемической реконфигурации, обусловленной распространением цифровых технологий.

Объект исследования – эпистемологические концепции, социологические теории, методологические концепции, конкретные социологические исследования.

Предмет исследования – теоретико-методологические основания социологического знания и эпистемическая структура социологии как конфигурация базовых предпосылок и устоявшихся представлений о способах получения и обоснования знания, о его специфике и функциях.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составили: критический рефлексивный анализ, развитый в трудах А. Гоулднера, П. Бурдьё; концепция радикальной рефлексивности С.Вулгара и М. Эшмора; концепция теоретической логики Дж. Александера, как описание континуума социологического знания, который задает общую логику структурирования исследовательского процесса; концепция археологии знания М. Фуко, в соответствии с которой знание анализируется с точки зрения механизмов становления и кодификации, а отдельные дисциплины выступают лишь конечным пунктом процесса социального производства/конструирования научного знания; концепция «исследовательского акта» Н. Денцина, предполагающая взгляд на исследование как на разворачивающуюся деятельность, объединяющую предпосылки, теории и методы. Основанием типологизации стратегий социологического метатеоретизирования послужили работы М. Буравого, Дж. Ритцера, Д.В. Иванова, Г.Г. Татаровой, Г. Терборна. Методологическую основу разработки аналитического конструкта «эпистемическая матрица» составили: концепция дисциплинарной матрицы Т. Куна, концепция матрицы понимания С. Тулмина, концепция научно-исследовательских программ И. Лакатоса, концепция моделей объяснения И.Ф. Девятко. Обоснованием типологизации эпистемических матриц послужила концепция типов научной рациональности, представленная в трудах М. К. Мамардашвили, В.С. Степина, П.П. Гайденко, Н.А.Автономовой; концепция поворотов в социальном познании, представленная в трудах Д. Бахманн-Медик, В.В. Савчука; концепция типологического анализа и типологизация исследовательских практик Г.Г. Татаровой. Основой анализа конфигурации социологии в контексте цифровых трансформаций послужили работы Д. Булье, Л. Мановича, Б. Латура, Дж. Ло, К. Кнорр-Цетины, Р. Роджерса, Э.

Рупперт, М. Саважа. Основу анализа также составили авторские эмпирические исследования, проведенные в рамках количественной, качественной и смешанной исследовательских стратегий, в частности с использованием нереактивных методов и цифровых данных.

Научная новизна исследования определяется спецификой постановки проблемы и инновационным подходом к ее решению и состоит в следующем:

1. Артикулировано отдельное направление в социологическом метатеоретизировании – эпистемический рефлексивный анализ, включающий в единую аналитическую схему исследование базовых предпосылок, эпистемологических оснований и методологии исследования. Введено понятие метатеоретической эпистемической рефлексивности в социологии как инструмента анализа эпистемической конфигурации социологического знания из перспективы дисциплинарного поля.

2. Проведена типологизация стратегий метатеоретизирования, существующих в современной социологии. Выделены основные стратегии метатеоретизирования, различающиеся по целям и результатам: интегративное, эволюционное и перспективистское метатеоретизирование.

3. Разработан концептуальный каркас, позволяющий систематизировать представления о многообразии моделей исследовательской деятельности в современной социологии и на этой основе реконструировать эпистемическую конфигурацию социологического знания.

4. Обоснован аналитический конструкт «эпистемическая матрица», дающий возможность анализировать эпистемическую структуру исследовательской деятельности в социологии на разных аналитических уровнях.

5. Раскрыты особенности объективистской, интерпретативной и перформативной эпистемической матриц, как основных логических моделей исследовательской деятельности, определяющих эпистемическую конфигурацию современной социологии.

6. Дана общая характеристика эпистемической ситуации в современной социологии и выявлена тенденция сдвига от объективистской и интерпретативной матриц социального познания к перформативной матрице, предполагающей переход от репрезентации к перформативности в трактовке познания.

7. Определены основные векторы эпистемических и методологических трансформаций социологического знания, происходящих под влиянием распространения цифровых данных: раскрыты противоречия использования цифровых данных в социологических исследованиях, проанализирована реконфигурация исследовательской перспективы, обоснована необходимость пересмотра базовых теоретических моделей – модели социальной реальности и модели социального актора, намечены основные координаты трансформации исследовательских методов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ эпистемической конфигурации из перспективы самой дисциплины представляет собой эпистемическую рефлексивность – инструмент, который может использовать представитель конкретной области знания для решения стоящих перед ним проблем и обоснования получаемых результатов. Метатеоретическая эпистемическая рефлексивность в социологии состоит в систематической деятельности по объективации исследовательской перспективы и познавательных инструментов через выявление основных допущений, ограничений и влияний, направляющих процесс исследования. Метатеоретическая эпистемическая рефлексивность актуализируется в условиях дисциплинарной раздробленности, когда происходят фундаментальные сдвиги в концептуализации предметной области или изменяется доминирующая логика исследовательской деятельности и решает задачу позиционирования конкретной модели исследовательской деятельности в общей эпистемической структуре социологии и определения основных векторов развития дисциплины.

2. Типологизация стратегий метатеоретизирования, существующих в современной социологии, включает три основных типа, различающихся по своим целевым установкам и получаемым результатам: интегративное метатеоретизирование, направленное на стандартизацию языка описания, создание интегрированных теоретических перспектив и реконструкцию общей логики социологического знания; эволюционное метатеоретизирование, нацеленное на осмысление тенденций развития социологии и определение будущего состояния дисциплины через картографирование прошлых достижений, выделение этапов, фаз, сдвигов и смещений в социологическом знании; перспективистское метатеоретизирование, нацеленное на выявление внутренней логики в рамках независимых друг от друга, внутренне упорядоченных и относительно герметичных эпистемических конфигураций – парадигм, научно-исследовательских программ, моделей объяснения.

3. Отправной точкой в реконструкции эпистемической конфигурации социологии как совокупности логических моделей исследовательской деятельности является определение эпистемической структуры исследования и аналитических уровней, на которых разворачивается эта структура. В эпистемической структуре исследовательской деятельности выделены следующие составляющие: позиция исследователя – перспектива субъекта познания; предметное поле – проблематизированная область реальности, на которую направлен исследовательский интерес; теория – идеальная схема реальности; метод – способ включения фактов в теорию. Каждый элемент в структуре исследования разворачивается на нескольких аналитических уровнях: уровне базовых допущений, уровне эпистемологического обоснования, уровне исследовательской практики и уровне социальной легитимации знания.

4. Эпистемическая матрица – аналитический конструкт, объединяющий элементы исследовательского процесса (позиция исследователя, предметное поле, теория и метод), с точки зрения специфики их проявления на уровне базовых допущений, эпистемологического обоснования, социальной легитимации и исследовательской практики. Эпистемическая матрица представляет собой логическую модель исследовательской деятельности, которая, специфицируя различные компоненты исследовательского процесса, наглядно демонстрирует их взаимозависимость и взаимообусловленность и идентифицирует основные ориентиры исследовательской деятельности. Объединяя общенаучную эпистемологию и специфику отдельной дисциплины, эпистемическая матрица пересекает существующие границы между теоретическими подходами, моделями объяснения и парадигмами и объединяет их на новых основаниях, с точки зрения специфики представлений о позиции исследователя (исследовательской перспективе).

5 – 6. Через призму конструкта «эпистемическая матрица», раскрываются основные логические модели исследовательской деятельности в социологии – объективистская, интерпретативная и перформативная. В основание типологизации моделей исследовательской деятельности положено представление о соотношении субъекта и объекта познания, определяющее особенности исследовательской логики. Выделяются следующие перспективы субъекта познания по отношению к изучаемому объекту: объективистская перспектива, основанная на постулате о независимости объекта и субъекта познания; перспектива интерпретации, подразумевающая включение явлений сознания в научную картину мира и признание активной роли теорий и методов в конструировании объектов исследования; перформативная перспектива, предполагающая изначальную связанность субъекта и объекта познания в структурах практики. Переход от одной матрицы к другой фиксируется глубинными изменениями в представлениях относительно характера и функций социологического знания, позиции исследователя, предметного поля социологии, сущности теории, ее роли и места в исследовательском процессе, и преобладающих методов.

7. Объективистская матрица конструируется вокруг позиции исследователя, как абсолютного наблюдателя, который, благодаря правильному применению научного метода, достигает абсолютно точной и достоверной репрезентации реальности как совокупности устойчивых связей между переменными. Данное представление получает эпистемологическое обоснование в концепции универсального научного разума, превосходящего частные перспективы, в концепции автономных от теории фактов, в разделении контекста открытия и контекста обоснования. Теория как репрезентация, оценивается по критериям концептуального единства, обобщения и возможности независимой верификации. Методическая стратегия исследования предполагает структурированный

сбор информации, контролируемое измерение, разделение качественных и количественных методов.

8. Интерпретативная матрица формируется на основе представления об ограниченности исследовательской перспективы (концепция «частичного наблюдателя»), социо-культурной обусловленности познания и относительности к средствам наблюдения. Исследователь предстает как участник социального мира и член научного сообщества, вследствие чего условием получения объективного знания становится требование методологической рефлексивности. Признается теоретическая нагруженность терминов наблюдения, взаимозависимость контекста открытия и контекста обоснования и принцип дополнительности методов познания. Методология исследования строится вокруг интерпретации, предполагает реализацию принципа триангуляции и использование смешанной исследовательской стратегии.

9. В перформативной матрице происходит разрушение представления о позиции исследователя, как наблюдателя. Условием этого становится децентрация субъекта познания, который рассматривается не как индивид или научное сообщество, а как сеть, включающая в себя гетерогенных актантов, то есть «распределенный субъект познания». Научный факт трактуется как результат столкновения сил в борьбе за статус реального, сконструированные в ходе научной практики факты, «затвердевают», теряя открытость для других трактовок и интерпретаций. Базовым способом познания выступает вмешательство, что предполагает выстраивание сетей, включающих устойчивые формы взаимодействия, материальные и нематериальные ресурсы. Научное исследование предстает как форма коллективного экспериментирования и средство создания новых практик, а познавательные результаты оцениваются в соответствии с критерием прагматической валидности.

10. Эпистемическая ситуация в современной социологии характеризуется сдвигом от объективистской и интерпретативной матриц социального познания к перформативной матрице. Данный переход актуализируется в контексте широкого распространения цифровых технологий, что трансформирует фактуальные основания знания и методы исследования и требует разработки новой эпистемологии. Перформативная эпистемическая матрица концептуализирует новые особенности социального познания, переопределяя исследовательскую перспективу, предметное поле социологии, теоретические модели и методологию в соответствии с особенностями цифровых данных.

11. Цифровые технологии радикально меняют сферу наблюдаемого и сам принцип наблюдения. Метафорой исследовательской позиции становится панспектрное (М. ДеЛанда) или текучее (Д. Лион и З. Бауман) наблюдение, которое является неограниченным, всепроникающим, повсеместным и неструктурированным. Функция наблюдения переходит от исследователя к техническим средствам, а за исследователем закрепляется

функция практического конструирования знаний из доступных данных в соответствии с задачами исследования. Распределенный характер субъекта познания актуализирует сетевой характер производства знания в междисциплинарных полях, поддерживаемых ресурсными взаимоотношениями.

12. Изменения в характере доступных социологам данных влияют на пересмотр основных теоретических моделей – модели социальной реальности и модели социального актора. Модель социальной реальности становится одноуровневой. Целое концептуализируется как способ объединения и взаимопересечения данных, а структура – как совокупность повторяющихся событий, действий и характеристик. Отсутствие в цифровых данных надежных демографических маркеров и увеличение объема информации о самих действиях обуславливает появление постдемографической модели социального актора и трансформацию моделей объяснения. В рамках постдемографического подхода цифровые следы анализируются на поверхности социальных сетей, без связи с демографическими данными, а объяснения социальных действий строятся на основании связи с предыдущими действиями, выборами и сетевыми отношениями.

13. Следствием распространения цифровых данных становится переосмысление методологии и логики социологического исследования в следующих направлениях: обоснование перехода от преимущественно опросных к преимущественно неактивным методам сбора данных; разработка концепции постдемографической репрезентативности; переосмысление индуктивной исследовательской логики в контексте использования методов математической обработки слабоструктурированных и неструктурированных данных; обоснование смешивания качественной и количественной онтологий в рамках одного метода, примером чего являются методы количественной обработки неструктурированных текстовых данных.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты, полученные в диссертационном исследовании, способствуют модернизации методологического аппарата современной социологии и разработке критериев оценки качества результатов исследовательской деятельности, с учетом разнообразия исследовательских логик. Концептуализация изменений социологической методологии, происходящих под влиянием цифровых технологий в рамках изменения конфигурации социологического знания от репрезентации к перформативности, служит основой для переосмысления логики исследований с использованием цифровых данных.

Разработка конструкта «эпистемическая матрица» позволяет анализировать изменения в логике и практике социологических исследований, происходящие в настоящее время, в частности под воздействием распространения цифровых технологий, давая возможность рассматривать исследовательский процесс с точки зрения его целостности,

специфичности и многоаспектности, что ведет к переосмыслению функций социологического знания и отходу от устаревших схем обоснования знания.

Содействие развитию эпистемической рефлексивности и мета-исследований на основании результатов, полученных в диссертационном исследовании, способствует преодолению разрывов, существующих между теорией, методологией и эпистемологическими основаниями социологического знания и формированию целостного представления о логике исследовательского процесса, а также более глубокому пониманию и осмыслению проблем, существующих в методологии конкретных эмпирических исследований.

Результаты исследования представляют собой концептуальную схему, которая может использоваться в междисциплинарных исследованиях и в смежных с социологией областях. Концепция, разработанная в диссертационном исследовании, может служить основой для модернизации учебных курсов по методологии исследований для студентов аспирантуры и магистратуры, обучающихся по направлению «Социология» и родственным направлениям.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования изложены в опубликованных автором работах, результаты работы докладывались в выступлениях на российских и международных конференциях, таких как: XIX Харчевские чтения, 2017 (Москва, Россия); XIII Конференция Европейской социологической ассоциации, 2017 (Афины, Греция); XVI Ежегодная конференция Института Александери, 2016 (Хельсинки, Финляндия); III форум Международной Социологической Ассоциации, 2016 (Вена, Австрия); XIII международная научная конференция «Информация – Коммуникация – Общество», 2016 (Санкт-Петербург, Россия); конференция «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке» 2016 (Санкт-Петербург, Россия); XV Ежегодная конференция Института Александери, 2015, (Хельсинки, Финляндия); XIV Ежегодная конференция Института Александери, 2014 (Хельсинки, Финляндия); XIII международная конференция по социкибернетике Международной социологической ассоциации, 2015 (Сарагоса, Испания); XII Конференция Европейской социологической ассоциации, 2015 (Прага, Чехия); VIII конгресс Международной социологической ассоциации, 2014 (Йокогама, Япония); Ежегодная конференция Британской социологической ассоциации, 2014 г. (Лидс, Великобритания); XI конференция Европейской социологической ассоциации, 2013 (Турин, Италия); конференция «From Practice Turn to Praxeological Mainstream», 2013 (Вена, Австрия) и др.

Положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета и на методологическом семинаре Центра прогрессивных исследований в области философии социальных наук Университета

Хельсинки, Финляндия (Centre of Excellence in the Philosophy of the Social Sciences University of Helsinki).

Основные результаты работы были получены в рамках исследований, поддержанных российскими и международными научными фондами: «Трансформация социологической методологии в контексте развития социальных медиа» (РФФИ 15-06-99519); «Эпистемологическая реконфигурация социологии в начале XXI века» (НИР СПбГУ 10.38.90.2012); «Сетевые и потоковые структуры неравенства в современном российском обществе» (РНФ 14-18-00359); «Скрытая учебная программа в системе высшего образования: проблема воспроизводства экспертных культур» (Грант Фонда Спенсера и Европейского университета в Санкт-Петербурге 03П-026, 2004-2005); «Социологическое знание в меняющемся обществе: от классической к постнеклассической эпистемологии» (РГНФ 02-03-18301а).

Результаты работы использовались при разработке учебных курсов для магистрантов и аспирантов Санкт-Петербургского Государственного Университета: «Современные методы социологического исследования», «Эпистемологические основания социологии», «Методы и процедуры социологического исследования» «Теоретико-методологические основания исследования социальных проблем современного общества»; при написании учебников по курсам «Методология и методика социологического исследования» и «Прикладная социология».

Структура работы. Работа состоит из введения, шести глав, заключения и списка литературы, включающего 555 источников. Общий объем диссертационной работы 314 страниц (20.5 п.л.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** раскрывается актуальность темы диссертации, рассматривается степень ее разработанности и теоретико-методологическая основа исследования, сформулированы цель, задачи, объект и предмет исследования, определена научная новизна и положения, выносимые на защиту.

В первой главе – «Логика социологического познания в контексте эпистемологии и метатеоретизирования» рассматривается трансформация подходов к обоснованию социологического знания, анализируются особенности социологии, порождающие сомнения в ее эпистемическом статусе, раскрывается противоречие между трансформациями научного знания и классическими способами его обоснования, рассматриваются особенности эпистемической рефлексивности и стратегии метатеоретизирования в социологии.

В параграфе 1.1 «Трансформация подходов к эпистемологическому обоснованию социологического знания» такие проблемы

социологического знания, как некумулятивность и мультипарадигмальность, концептуальная инертность и приверженность привычным методологическим схемам, недостаточная дисциплинарная автономия поля социологии, разрыв теории и исследовательской практики расцениваются как основание эпистемических сомнений социологии. Рассматривается трансформация подходов к обоснованию социологического знания: от поиска прочных оснований социального познания в контексте универсализма классической эпистемологии к признанию науки социокультурной реальностью в постпозитивизме, сильной программе социологии знания и социальной эпистемологии. Признание социокультурной обусловленности знания вместе с отказом от универсальных оснований познания ведет к тому, что эпистемологические вопросы переходят под юрисдикцию отдельных дисциплин. В этом контексте, выходом из замкнутого круга эпистемической неуверенности социологии, связанной с противоречием между претензиями на производство объективного знания и признанием его социальной обусловленности, становится рефлексия особенностей производства знания самими исследователями.

В параграфе 1.2 «Эпистемическая рефлексивность в социологии» анализируется ситуация, когда вопросы о статусе знания ставятся из перспективы самой социологии. Возникновение эпистемической рефлексивности как требования к исследовательской методологии связывается с отказом от классической концепции науки с ее жестким противопоставлением субъекта и объекта познания. Эпистемическая рефлексивность определяется как систематическая деятельность по конструированию исследовательской позиции, позволяющей объективировать мышление исследователя и познавательные инструменты дисциплины. Рассматриваются такие разновидности социологической рефлексивности, как объективация объективирующего субъекта П. Бурдьё; «рефлексивность точки зрения»; «феноменологическая рефлексивность»; рефлексивная социология А. Гоулднера; радикальная рефлексивность. Основной проблемой рефлексивного анализа в социологии является необходимость сконструировать внутри социологического поля точку зрения, которая, предлагая определенные аналитические инструменты рефлексивности, позволяла бы выносить суждения не только об ограничениях позиции отдельного исследователя, но и об особенностях социологии, как специфической дисциплинарной области.

Параграф 1.3 «Метатеоретизирование в социологии и его разновидности». Формой эпистемической рефлексивности, предлагающей наиболее развитые аналитические инструменты, является метатеоретизирование. Метатеоретизирование актуализируется в условиях дисциплинарной раздробленности, выражающейся в нерешенности вопроса о направлении развития знания и критериях его оценки, и фундаментальных сдвигов в концептуализации предметной области, требующих пересмотра

доминирующей логики научного исследования. Выделяются три стратегии метатеоретизирования в современной социологии: интегративное, эволюционное и перспективистское метатеоретизирование. Интегративное метатеоретизирование направлено на выявление общей теоретической логики и стандартизацию языка описания. Цель эволюционного метатеоретизирования состоит в осмыслении тенденций и перспектив развития социологии в изменяющемся социальном и интеллектуальном контексте. Эта стратегия характеризуется выделением этапов, фаз, сдвигов, смещений в социологическом знании, картографированием прошлых достижений с точки зрения определения наличного состояния и перспектив развития дисциплины. Перспективистское метатеоретизирование нацелено на выделение независимых друг от друга, внутренне упорядоченных и относительно герметичных конфигураций – парадигм, научно-исследовательских программ, моделей объяснения и пр. Три выделенные стратегии метатеоретизирования по-разному подходят к решению проблемы дисциплинарной раздробленности социологии: интегративное метатеоретизирование нацелено на поиск общей или интегрированной социальной теории; эволюционное метатеоретизирование признает возможность создания общей теории в будущем; перспективистское метатеоретизирование решает проблему раздробленности через обоснование разнообразия исследовательских логик. Основная линия развития метаисследований может быть прослежена от интегративных метаконцепций, через эволюционные подходы, к систематизации социологического знания посредством выделения внутренне упорядоченных целостностей, в рамках которых действуют относительно автономные исследовательские логики.

В главе 2 «Структура и логика исследовательской деятельности в социологии» раскрывается общая эпистемическая структура исследовательской деятельности в социологии, выделяются основные аналитические уровни социологического знания, вводится аналитический конструкт «эпистемическая матрица», как логическая модель исследовательской деятельности и обосновывается подход к типологизации эпистемических матриц.

В параграфе 2.1 «Социология как исследование» исследование рассматривается как основная форма существования социологического знания, поскольку большинство профессиональных социологов позиционируют себя именно как исследователи, а изложение социологии в статьях и учебниках предстает не как изложение установленных научных фактов, относительно которых достигнут консенсус, а как изложение исследований, уже совершенных или ещё только возможных. Современное понимание исследования связывается с возникновением экспериментальной науки и определяется как включение эмпирических данных в идеальную схему реальности посредством научного метода, ограниченного определенной предметной сферой. **В разделе 2.1.1 «Проблема**

наблюдателя в социологии» поднимается вопрос о позиции или перспективе исследователя, представляющий собой квинтэссенцию эпистемологических сомнений социологии в возможности получать объективное знание, находясь «внутри» объекта изучения. Рассматривается понятие «эпистемологической дилеммы» Дж. Александера, как выбора позиции исследователя между отстраненностью позитивистской научной теории и личной вовлеченностью антитеоретического релятивизма, характеризующее сложности исследовательской позиции в социальных науках. **Раздел 2.1.2 «Предметное поле социологии».** Предметное поле – область реальности, идеализированная таким образом, чтобы она стала доступна для изучения. Раскрытие предметного поля состоит в выделении совокупности объектов, доступных познанию, посредством акта различения на основании принятия ряда допущений о характере социальной реальности. Раскрытие предметного поля социологии через определение области социальных фактов рассматривается на примере подходов Э.Дюркгейма, М.Вебера, Г.Тарда, Дж.Серла, Б.Латура к интерпретации понятия «социальный факт». **Раздел 2.1.3 «Идеальная схема реальности: «теория»** раскрывает амбивалентность понимания теории и ее роли в исследовании. В наиболее общем смысле, теория трактуется как абстрагирование от конкретного, перспектива или угол зрения, под которым рассматривается реальность. Теория создает идеальное ограниченное пространство, в рамках которого разворачивается исследование и принимаются решения о том, что необходимо узнать и какого рода явления надо наблюдать, чтобы получить требуемое знание. **В разделе 2.1.4 «Способ познания: «метод»** описывается развитие понимания роли метода в научном исследовании от эмпиризма, где методу отводится роль инструмента сбора и обобщения фактов, до представления о методе, как активном начале, конструирующем теорию. Раскрывается многообразие трактовок термина «метод» в социологии. Обосновывается позиция, согласно которой метод, как связующее звено между теорией и данными, должен рассматриваться вместе с неявными допущениями, лежащими в основе его использования и не может быть сведен к алгоритму сбора данных или к совокупности технических приемов проверки гипотез.

В параграфе 2.2. «Аналитические уровни социологического знания» исследование концептуализируется как деятельность, которая разворачивается в эпистемическом пространстве, структурированном несколькими аналитическими уровнями, каждый из которых имеет относительно независимую логику. Уровень *базовых допущений* задает аксиоматику дисциплины, он представлен потенциально непроверяемыми, конвенционально принятыми допущениями, которые «постулируют реальность», делая систему знания интуитивно убедительной. Уровень *эпистемологического обоснования* представляет собой рациональное обоснование и нормативное закрепление базовых допущений, через формулировку критериев оценки знания и стандартов исследовательской

деятельности. На уровне *исследовательской практики* реализуются конкретные методы, процедуры и сценарии исследовательской деятельности, которые частично закреплены в методических предписаниях, а частично остаются на уровне личностного или практического знания. Оценка знания с точки зрения его ценностных составляющих относится к уровню *социальной легитимации*. На этом уровне исследование рассматривается как часть не только эпистемического, но и социального пространства.

В параграфе 2.3 «Эпистемическая матрица как логическая модель исследовательской деятельности» ставится задача проследить как в рамках перспективы, задаваемой базовыми допущениями и спецификой исследовательской позиции, модифицируются структурные элементы исследования и тем самым формируются различные модели исследовательской деятельности. На основе анализа концептов «дисциплинарная матрица» Т.Куна, «матрица понимания» С. Тулмина, «научно-исследовательская программа» И. Лакатоса, вводится аналитический конструкт «эпистемическая матрица», раскрывающий структурные элементы исследования (познающий субъект, объект познания, теория и метод) из перспективы разных аналитических уровней. На основании представлений о специфике и типах научной рациональности, выделяются три типа эпистемических матриц – объективистская, интерпретативная и перформативная.

Объективистская матрица основана на противопоставлении субъекта и объекта познания и предполагает взгляд с позиции «абсолютного наблюдателя», который, благодаря своей привилегированной позиции, может выстроить абсолютно точную и достоверную картину реальности. Объективистская матрица не проблематизирует позицию самого исследователя и не рассматривает ее как объект возможной рефлексии.

В интерпретативной матрице осуществляется радикальный пересмотр оснований классической рациональности и происходит ограничение универсальной исследовательской позиции со стороны используемых методов и инструментов исследования. Интерпретативная матрица строится вокруг допущения, что инструменты познания вносят определенные искажения в картину реальности, соответственно необходимо учитывать относительность объекта к средствам и операциям деятельности.

В перформативной матрице происходит полное разрушение представления о позиции исследователя, как наблюдателя, а познание концептуализируется как действие, практика. Сознание познающего субъекта, рассмотренное с точки зрения его включенности в структуры практики, не является зеркалом, отражающим независимо существующие факты, а активно участвует в конструировании реальности. Трактовка позиции исследователя как части исследуемого объекта, подрывает парадигму репрезентации.

Общая структура эпистемической матрицы представлена в таблице:

Позиция исследователя	Предметное поле	Идеальная схема реальности (теория)	Способ познания (метод)
Базовые допущения			
Перспектива субъекта познания	Допущения о характере доступной познанию социальной реальности	Базовая форма идеализации	Базовый способ познавательной деятельности
Эпистемологическое обоснование			
Границы познания и познавательные возможности	Характеристики научного факта	Критерии формулировки научного высказывания	Нормативная регламентация способа познания
Исследовательская практика			
Роль исследователя	Объект исследования	Общая характеристика теории	Методическая стратегия исследования
Социальная легитимация			
Ценностное измерение исследовательской позиции	Особенности формулировки актуальной исследовательской проблематики	Ценностные импликации знания	Социальные функции исследовательских методов

В главе 3 «Объективистская эпистемическая матрица» дается общая характеристика объективистской эпистемической матрицы: рассматриваются особенности позитивистской и неопозитивистской эпистемологии; анализируется позиция исследователя, как абсолютного наблюдателя; раскрываются особенности конструирования предметного поля, теории, метода и исследовательской стратегии.

Параграф 3.1. «От позитивистской к неопозитивистской эпистемологии». Позитивизм, наряду со своей более поздней версией – неопозитивизмом, является наиболее эксплицитным выражением императивов объективистской эпистемической матрицы. Задача науки, с точки зрения позитивистской эпистемологии, состоит в признании всех явлений подчиненными неизменным естественным законам, открытие и низведение числа которых до минимума составляет цель науки. В неопозитивизме исчезает свойственная позитивизму непосредственность отношения субъекта познания к внешнему миру: между исследователем и

изучаемой реальностью помещается ещё одна реальность – язык, который трактуется, как посредник всякого научного знания. Прояснение и совершенствование языка науки становится основной задачей неопозитивистской эпистемологии: с одной стороны, в неопозитивизме предпринимаются попытки сделать научный язык нейтральным, лишить индивидуальности и очистить от случайностей; с другой стороны, ведется поиск логики, независимой от грамматики, которая выявила бы общие предпосылки мышления, не зависящие от особенностей языка. Научное знание трактуется, как совокупность взаимосвязанных высказываний, выстроенных в соответствии с принципами формальной логики. В основе подобного способа рассуждений лежит допущение о существовании единой рациональности, не подверженной влиянию социальных факторов и историческим изменениям.

Параграф 3.2. «Исследователь как «абсолютный наблюдатель». Позиция исследователя, сконструированная в рамках объективистской эпистемической матрицы, охарактеризована как позиция «абсолютного наблюдателя», находящегося вне исследуемой системы и потому обладающего преимуществом объективной точки зрения. В основе конструирования позиции исследователя, как абсолютного наблюдателя лежит допущение о существовании универсальной рациональности, которая рассматривается, как принадлежность исключительно научного разума и отождествляется со специфической формой научного объяснения – подведением под общий закон или теорию. Основная доктрина научного объяснения – дедуктивно-номологическая модель, модифицированная У. Дреем применительно к социальным наукам, где под «законом» понимается имеющее высокую вероятность эмпирическое обобщение. Средством конструирования позиции абсолютного наблюдателя является научный метод, который играет роль совершенного инструмента наблюдения, обеспечивающего абсолютность взгляда, не достижимую из частной перспективы обыденного знания, искаженного социальными влияниями и предрассудками.

В параграфе 3.3. «Объект познания: метафора паноптикума» рассматриваются особенности конструирования «абсолютно наблюдаемого» объекта. «Абсолютная наблюдаемость» объекта охарактеризована через метафору «паноптикума» (Дж. Бентам, М. Фуко) – пространства, сконструированного таким образом, чтобы обеспечить всеобщую обозримость, однородность и пространственную непрерывность. Абсолютная наблюдаемость в объективистской матрице достигается ограничением пространства наблюдения и таким проектированием наблюдаемой области, которое бы обеспечивало полную доступность для используемых методов, что выражается в принципе методологического самоограничения – ограничения круга исследуемых проблем в соответствии с возможностями метода. Взаимодействие с объектами познания ограничено рамками наблюдения, в котором могут допускаться запланированные

воздействия на исследуемый объект, а наблюдаемые признаки должны быть однозначно и единообразно выделены. Пространство объективистской матрицы исключает из области фактов явления, не соответствующие требованию абсолютной наблюдаемости, измеримости и контролируемости. Ограничение области объяснения наблюдаемыми признаками рассматривается в работе на примере объяснений динамики продолжительности жизни в социологии здоровья. Требованиям абсолютной наблюдаемости соответствуют атомарные факты – единичные акты поведения, индивидуальные характеристики, мнения и оценки, которые могут быть сведены к высказываниям, зафиксированным с помощью соответствующего инструмента, например анкетного вопроса. Предполагается, что экспериментальная ситуация не влияет на характер получаемых данных. Переход от общих понятий к эмпирически фиксируемым признакам осуществляется посредством процедуры эмпирической редукции, реифицируя научные абстракции и маскируя их изначально сконструированный характер.

Параграф 3.4. «Теория как зеркало». Идеальный язык описания в рамках объективистской матрицы – общая социологическая теория. Например, Т. Парсонс рассматривал степень развития общей теории, как основной показатель «зрелости науки», а П. Лазарсфельд считал построение общей теории главной задачей проведения отдельных исследований. Теория должна отвечать требованию универсальности и сведения наличного многообразия к единому основанию, как объяснительному принципу. С этим связан эссенциализм объективистского социального теоретизирования – методологическая установка на получение знания, которое бы во всеобщей форме отражало сущность изучаемого объекта. Идеал объективистского теоретизирования – стандартный язык описания и верифицируемость. Концептуальная стандартизация социологического знания рассматривается как возможная и принципиально достижимая. Состояние, когда разные теории описывают одни и те же «автономно существующие» факты разными терминами трактуется как аномалия. Множественность признается лишь для теорий среднего уровня, которые, по мысли Р. Мертона, осуществляя первичное обобщение эмпирических закономерностей, должны создать надежную базу для формальной или общей социологической теории. В рамках объективистской матрицы выделяются две точки зрения на способ включения фактов в теорию. В соответствии с индуктивной логикой, теория представляет собой обобщение опытных данных и должна строиться на основе твердо установленных фактов, в качестве которых выступают предложения, фиксирующие данные наблюдений. Дедуктивная логика предполагает выведение следствий из исходных принципов с помощью доказательства. Компромисс между индуктивной и дедуктивной стратегией построения теории предложен Т. Парсонсом через выделение теории структурно-функционального типа,

которая играет роль обобщенной концептуальной схемы, направляющей отбор фактов.

Параграф 3.5. «Метод – совершенный инструмент наблюдения». Научный метод в объективистской матрице представляет собой совершенный инструмент наблюдения, который, не искажая видимую картину реальности и не воздействуя на наблюдаемое, позволяет увидеть то, что скрыто от самих объектов наблюдения, но доступно взгляду исследователя. Метод обеспечивает единообразие собираемых данных и представляет собой средство проверки и доказательства, независимое от перспективы исследователя и от специфики исследуемого объекта. Основным способом достижения единообразия данных – формализация, редуцирующая многозначность языка и позволяющая привести многообразие явлений к соизмеримому виду. Основные принципы, на которых базируется научный метод – формализация и измерение, поскольку именно формализованная, доступная измерению реальность представляет собой абсолютно-наблюдаемую реальность. Факты наделяются автономным статусом и рассматриваются в качестве базисного уровня знания, теоретические положения сводятся к элементарным высказываниям о фактах, а концептуальные определения переводятся в переменные. Установление статистических связей между переменными становится основным инструментом описания и анализа. Разделение фактов, как элементарных утверждений, имеющих эмпирическое содержание, и абстрактных теоретических утверждений, не обладающих статусом фактичности, лежит в основании разведения «контекста открытия» и «контекста обоснования». Под научным методом понимается «контекст обоснования», к области которого относятся доступные унификации и формализации технические процедуры исследовательской деятельности, связанные со сбором и обработкой данных. Контекст открытия рассматривается, как область не формализуемых процедур, не относящихся к сфере научного метода.

Параграф 3.6. «Исследование как диагностика: факты и факторы». Диагностика представляется подходящей метафорой для описания исследовательской стратегии в объективистской матрице: задача социолога состоит в том, чтобы, определив нормативное состояние, выявить отклонение от нормы и найти причины и факторы этого отклонения. «Исследовать» в данном случае означает – свести множественность к единому основанию, за совокупностью эмпирически-фиксируемых признаков (симптомов) найти общее качество или латентную переменную (синдром), которая могла бы объяснить эти признаки в их совокупности. В диагностике наиболее полно реализуется потенциал власти-знания, как унифицирующего, нормативного суждения, которое выносится с точки зрения социальной системы в целом. С позиции феноменологической критики, в этом случае происходит замена тем и понятий жизненного мира абстрактными категориями: индивидуально переживаемые феномены

сводятся к обобщенным факторам, которые имеют латентную природу и могут быть выявлены через совокупность явных признаков. Основной формой объяснения становится объяснение по модели «черного ящика», которая предполагает, что структура связи между «входом» и «выходом» не представляет интереса, поскольку ненаблюдаема. Объяснения по модели «черного ящика» рассматриваются на примере эмпирических исследований связи здоровья и социального неравенства, когда установление статистических зависимостей между переменными порождает противоположные объяснительные модели.

В главе 4 «Интерпретативная эпистемическая матрица» рассматриваются особенности постпозитивистской эпистемологии; анализируются особенности позиции исследователя; раскрываются особенности конструирования предметного поля, теории и метода; описывается специфика интерпретативной исследовательской стратегии.

Параграф 4.1 «Особенности интерпретативной матрицы и постпозитивистская эпистемология». Понимание методологических границ естественных наук, изучение неевропейских культур и форм мышления, исследования в области феноменологической социологии и этнометодологии, показавшие общие истоки научной и повседневной рациональности, способствовали возникновению представлений об ограниченности научной рациональности и стимулировали «интерпретативный поворот» в социальном познании. Эпистемологическая легитимация новых форм рациональности была осуществлена в концепциях постпозитивизма, возникших в процессе критики и ревизии неопозитивизма. Основу постпозитивистских концепций составляет представление об изменчивом и исторически-развивающемся характере научного знания и переосмысление понятия рациональности. С позиции постпозитивизма, догматическое признание обоснованности научного знания открывает дорогу иррационализму, а сохранить рационалистическую позицию можно лишь путем отказа от абсолютных оснований познания. Нормы научного исследования, с точки зрения постпозитивистов, должны выводиться не столько посредством логического анализа, сколько через изучение реальной практики научных исследований. Основные положения постпозитивизма: фаллибилизм – признание принципиальной гипотетичности и неполноты любого научного знания; методический рационализм – определение предпочтительности одних гипотез по сравнению с другими на основании критического рассмотрения; принцип фальсификации, как потенциальной опровержимости любого научного утверждения. Постпозитивизм, преодолев многие ограничения неопозитивизма, признал невозможность формулировки однозначных критериев оценки научного знания и тем самым способствовал релятивизации социального познания, отказу от строгих процедур проверки и обоснования, переходу к дескриптивному типу исследований. Постпозитивистская эпистемология легитимировала такие черты социологии, как некумулятивный характер социального

познания, связь знания с интересами социальных групп, роль вненаучных факторов в развитии знания, подчеркнула активную роль теории в конструировании научных фактов, обосновала «мультипарадигмальность» через тезис о несоизмеримости теорий.

Параграф 4.2. «Позиция исследователя: относительность к средствам наблюдения». Интерпретативная матрица строится на допущении, что познающий субъект находится внутри исследуемого мира, составляет его часть, соответственно, знание является ограниченным и субъективным, а высказывания исследователя получают статус интерпретации – суждения, привязанного к определенной позиции или перспективе. Сам процесс познания предстает, как череда усилий по конструированию исследовательской перспективы, из которой можно выносить более или менее обоснованные суждения. Одним из первых социологов, сформулировавших сомнения в абсолютности исследовательской позиции и объективности научных понятий был М. Вебер. Субъективные переживания исследователя, составляющие основу метода понимания, обретают общезначимость через понятия, с помощью которых обобщается многообразие эмпирического опыта. Поскольку понятия выбираются исследователем в соответствии с собственными предубеждениями, необходимо объективировать эти предубеждения. Достижение общезначимости научных понятий возможно через процедуру отнесения к ценности, которая превращает субъективные оценки в объективные суждения. Феноменологическая социология (А. Шюц) решает проблему ограниченности позиции наблюдателя выделением конструкторов первого и второго порядка и приписыванием последним методологической функции моделирования реального. А. Сикурел предлагает объективировать «посредников», через которые социологи формулируют свои теории, а именно – язык, культурные значения и свойства измерительных систем. Наиболее радикально представления о позиции исследователя трансформировала этнометодология, сделав акцент на принципиальном сходстве повседневных и научных методов. Ограничение позиции «абсолютного наблюдателя» со стороны социальных факторов нашло свое выражение во введении таких понятий, как «мыслительный коллектив» (Л. Флек) и «научное сообщество» (Т. Кун).

Параграф 4.3. «Объект познания: ограничение абсолютной наблюдаемости». В интерпретативной матрице социальный факт теряет автономность и абсолютную доступность для исследовательского взгляда. Под социальным фактом начинает пониматься не столько наблюдаемый ход вещей, сколько ненаблюдаемый смысл. Объект социального познания наделяется внутренней субъективностью, а смысл становится подлинным объектом социологии. На смену позитивистскому допущению об автономии фактов приходит постпозитивистский тезис о теоретической нагруженности наблюдений. Если позиция исследователя не абсолютна, то и предметная сфера той или иной науки представляет собой проекцию определенной

точки зрения. На первый план выходит момент проектирования предметной сферы: социальность в интерпретативной матрице не является качеством, присущим явлению, независимо от наблюдателя, а приписывается тому или иному явлению из определенной перспективы. Само понятие «факта» оказывается под сомнением, поскольку признается отсутствие «чистых утверждений наблюдения». С одной стороны, наблюдения опосредованы позицией исследователя, теоретически и социально нагружены, с другой стороны, наблюдения опосредованы смыслами, которые вкладывают в них сами участники. Раскрывая «черный ящик» сознания деятеля и пытаюсь изучать ненаблюдаемые смыслы и их воплощение в наблюдаемом поведении, исследователь выясняет, как происходит объективация субъективных смыслов. Любая социальная ситуация трактуется, как комбинация интерпретаций участников, и только социальное исследование, учитывающее эти интерпретации, может дать полный отчет о том, что собой представляет та или иная ситуация.

Параграф 4.4. «Теория как интерпретация». В интерпретативной матрице теория не может быть описана с использованием метафоры зеркала, поскольку познание больше не рассматривается, как отражение. Невозможность создания единственного, «правильного» отражения обуславливает трактовку теории как модели, идеализации и рационализации реальности: теория – не только удобная схема для упорядочения фактов, но особый способ конструирования самих фактов. Признание социального характера познания и изменчивости логико-методологических критериев делает очевидной невозможность создания единой социологической теории. Если в рамках объективистской матрицы теория стремится к унификации языка описания, к формализации и универсальности, то в интерпретативной матрице теория представляет собой не столько формализованное описание реальности, сколько развернутую гипотезу относительно некоторых черт реальности, то есть идеальный тип. В отличие от формальной теории, интерпретативная теория не рассматривается, как исчерпывающее описание реальности, имеющее универсальный характер. В интерпретативной матрице возникает т.н. «клинический подход к применению теории» (К.Гирц), когда функцией теории является не производство обобщений на основании множества случаев, а обобщение в рамках каждого отдельного случая. Чтобы претендовать на достоверность, теоретическое описание должно содержать указания на ограничения методов и исследовательской позиции. В этих условиях средством достижения объективного знания становится объективация процесса конструирования объективности (П. Бурдье). Социальная теория не обязательно претендует на универсальное объяснение реальности, может существовать совокупность локальных теорий, ограниченных в терминах пространства и времени и, в то же время, имеющих значение для изучаемых.

Параграф 4.5. «Отрицание тезиса «единства метода» и принцип дополненности». В интерпретативной матрице метод утрачивает

свойства нейтрального инструмента наблюдения, помогающего исследователю увидеть реальность такой, какая она есть «на самом деле». Метод формирует сферу наблюдаемого, искажая и преломляя реальность, в зависимости от собственного строения: метод позволяет видеть только то, что открывает взгляду определенная перспектива. Речь идет уже не о том, чтобы создать совершенный инструмент наблюдения, а о том, как минимизировать искажения, создаваемые исследовательскими инструментами. Наблюдение больше не ограничивается чувственным восприятием внешнего мира, а включает аспект понимания человеческих действий и принципов организации повседневного опыта. Главной задачей социологического метода становится объективация субъективных значений, которая бы придала им статус научного факта, что достигается посредством типологизации: значение получает статус факта, будучи отнесено к определенному типу, при этом идеально-типические конструкции должны быть не только логически последовательными, но и адекватными, т.е. соответствовать повседневным значениям изучаемых. Поскольку в интерпретативной матрице ставится под сомнение идея единой рациональности, подвергается критике и позитивистская идея «единства метода». Постпозитивисты помещают научный разум в исторический и социальный контекст, признавая неполноту научных методов и форм рациональности. Условием получения достоверного знания становится дополнительность методов познания, которая выражается в социологии в требовании методической триангуляции для обеспечения валидности научного вывода. Отказ от разведения контекста открытия и контекста обоснования вызывает необходимость описания логики открытия, основными формами которой становятся аналитическая индукция – интенсивное исследование особых случаев с целью выявления основных характеристик и перенесения их на остальные случаи и абдукция – перенос понятия в другой категориальный ряд и заимствование объяснительных моделей.

Параграф 4.6. «Исследовательская стратегия: типы и контексты». Интерпретация – основной прием работы с данными на протяжении всего исследования, а не только на заключительном этапе. В отличие от исследования, направленного на поиск общих факторов, независимых от контекста, интерпретативная стратегия нацелена на выявление контекстуальных условий существования отдельных случаев. Основным интересом является контекст, при которых конструктор или теория действуют, а не распространение выводов на другие контексты через обобщение. Наиболее последовательное развитие в социологии данные принципы получили в методологии обоснованной теории, которая противопоставляется чрезмерно абстрактным дедуктивным теориям и представляет собой набор правил работы в рамках контекста открытия. Требование вариативности методического обеспечения нашло свое выражение в идее смешанной исследовательской стратегии (mixed methods),

призванной содействовать преодолению ограниченности как качественных, так и количественных методов. Особенности реализации смешанной стратегии в эмпирических исследованиях рассматриваются в параграфе на примере авторских исследований, посвященных выявлению формальных норм и неформальных практик работы персонала скорой помощи и изучению стимулов и барьеров к прохождению тестирования на наличие ВИЧ-инфекции.

В главе 5 «Перформативная эпистемическая матрица» рассматриваются лингвистический и прагматический повороты в социальном познании; описываются главные характеристики исследовательской позиции; анализируется конструирование предметного поля, теории и метода; раскрываются особенности исследовательской деятельности как практики и коллективного экспериментирования.

Параграф 5.1. «Предпосылки формирования перформативной эпистемической матрицы». Перформативная эпистемическая матрица характеризуется отказом от понимания познания как репрезентации. Знание трактуется не как отражение или интерпретация, но как исполнение, производство, конструирование реальности. В основании перформативной матрицы лежат такие трансформации в эпистемологии и методологии, как лингвистический и прагматический повороты. Лингвистический поворот ознаменовал изменение фундаментальной онтологии – мир начинает рассматриваться, как язык. Прагматический поворот перенес акцент с репрезентационной на инструментальную функцию языка. Лингвистический и прагматический повороты связаны друг с другом и могут быть охарактеризованы как смещения в понимании связи идей и реальности через переосмысление отношений между высказываниями и действиями, означающими и означаемыми. Введение перспектив практики и языка в эпистемологию обусловило радикальное изменение эпистемической конфигурации социального познания. Основные характеристики нового типа рациональности были заданы концепцией практического знания М. Полани, неопрагматизмом Р. Рорти, эпистемологией вмешательства Я. Хакинга, инструментализмом Дж. Дьюи, исследованиями в области социологии знания и науки, результатом чего стала концептуализация науки как практики и особой культуры. Перформативная матрица включает социальность и материальность в самую суть исследования, а вненаучные факторы, которые рассматривались как помехи, трактуются как необходимое условие производства знания. Метафора «производство знания» обретает буквальное значение – знание возможно в случае достаточности ресурсов для его производства и соответствующей организации производственного процесса. Познание начинает рассматриваться не как отражение реальности, а как самостоятельная форма активности, производящая новые реальности в ходе дискурсивного и материального конструирования.

Параграф 5.2. «Исследователь как деятель». В перформативной матрице происходит нечто гораздо более радикальное, чем подрыв привилегированной наблюдающей позиции исследователя: исследователь вообще покидает позицию наблюдателя, а исходной точкой конструирования исследовательской позиции становится научная практика. Функция исследователя в перформативной матрице – не открытие независимой рациональности, присущей вещам «самим по себе», а практическое производство рациональности. Отказ от метафоры наблюдения при описании исследовательской деятельности выводит на первый план метафору практического действия. Именно с точки зрения «познания через действие» критикуется представление об исследователе, как наблюдателе. Исследователь-наблюдатель воспринимает социальную жизнь, как спектакль, который можно смотреть, интерпретировать и осмысливать, а не как среду, в которой необходимо действовать, реализуя различные практические стратегии. Наблюдательная позиция вносит существенные искажения в картину социальной реальности, поскольку предполагает, что интерпретации, осуществляющиеся из частной перспективы наблюдения, получают универсальный статус. Перспективы наблюдателя и деятеля обладают принципиальной асимметричностью: интерпретации деятеля встроены в практические стратегии и подчинены практическим задачам, а интерпретации наблюдателя подчинены стремлению представить предмет познания в виде абстрактной схемы. Наблюдение над практикой, осуществляемое исследователем, в свою очередь, встроено в практику существования его, как исследователя. Таким образом, осуществляя познание, якобы не затронутое социальным миром, исследователь, на деле, подчиняется практическим императивам той позиции, которую он занимает, например, как участник определенного научного сообщества.

Параграф 5.3. «Производство объекта». Факты рассматриваются не как фундаментальная и независимая реальность, которая «открывается» в процессе познания, а как результат процесса конструирования или производства. Суть исследования состоит в том, чтобы произвести определенные последовательности, которые будут трактоваться, как реальность и смогут, тем самым, получить статус научного факта. Чтобы последовательности обрели устойчивость, необходимо «затвердевание» факта, в результате которого он теряет открытость для других трактовок и интерпретаций. Условием затвердевания фактов является их постоянное инкорпорирование в исследовательский процесс. Научные факты трактуются как результат процесса производства, «изготовления», включающего в себя цепочки решений и переговоров. Методологическим следствием этого является признание первичности действия по отношению к изучаемым объектам. Единственно реальным объектом исследования становятся способы и стратегии производства социального, а социальные

группы, смыслы и прочие объекты социального познания рассматриваются как эпифеномены процессов конструирования.

Параграф 5.4. «Практика теории». Перформативный характер социального теоретизирования выражается в том, что социальные теории могут не только объяснять или интерпретировать реальность, но и изменять ее. Распространение социальных теорий преобразует социальную жизнь, в свою очередь, увеличивая правдоподобие этих теорий, не только теории заимствуют повседневные категории, но активно идет обратный процесс заимствования повседневным сознанием понятий, выработанных в науке для описания социального мира. Такое влияние осуществляется не непосредственно, но через институционализацию процессов научного исследования, через создание материальных сетей, обеспечивающих производство и распространение научных результатов. Побеждает та теория, которой удалось создать более прочную и разветвленную сеть в социо-материальном мире. Поскольку социологическая теория становится «исполнением» реальности, а не ее репрезентацией или интерпретацией, она трактуется как не-репрезентационная (N.Thrift) или пост-репрезентационная. Чистая теория, как система взаимосвязанных пропозиций, расценивается как абстракция, заимствованная из философии. В контексте исследовательской деятельности теории принимают особый «атеоретический» характер и представляют собой более или менее целостное мировоззрение, направляющее процесс исследования и укорененное в практике производства научных фактов. При подобном подходе теория не может рассматриваться, как высшая форма научного знания, венчающая усилия исследователей. Теории лежат мертвым грузом, пока не используются в исследовании, а применение теории в исследовательской практике существенным образом модифицирует характер теории.

Параграф 5.5. «Исследование как социальная практика и коллективный эксперимент». В контексте тезиса о перформативности познания, метод рассматривается как способ действия, который достаточно гибко приспособляется к контексту, основан на не полностью осознаваемых допущениях и представляет собой не линейную последовательность прописанных процедур, а особую практику отбора. Сам процесс исследования трактуется как последовательность решений и коммуникаций, в ходе которых осуществляется выбор одной из нескольких альтернатив, направляющих дальнейший ход исследования. Научный результат рассматривается с точки зрения его структурирования несколькими уровнями решений и выборов, а реальность объектов познания удостоверяется через вмешательство, исполнение и экспериментирование. Точная репрезентация не рассматривается в качестве приоритетной научной задачи и становится бесполезной, если с ее помощью не становится понятным, каким образом можно действовать. Особый статус науки ставится под сомнение, наука не легитимирует и не регламентирует

практику, а сама становится разновидностью практической деятельности. Именно в этом смысле звучат призывы отказаться от понятия «наука», слишком тесно связанного с пониманием знания, как противоположности практике, в пользу понятия «исследования», как коллективного экспериментирования (Б. Латур, М. Каллон). Признание перформативности знания требует учитывать не только особенности производства знания, но и особенности его распространения, потребления и использования. Фокус эпистемической рефлексивности перемещается с позиции исследователя внутри поля научного производства на позицию, занимаемую знанием в социальном мире.

В главе 6 «Векторы эпистемических трансформаций в контексте цифровых данных» рассматриваются особенности цифровых данных и те возможности, которые они открывают для реализации основных императивов перформативной эпистемической матрицы на уровне исследовательской методологии.

Параграф 6.1. «Особенности цифровых данных и поиск новой эпистемологии социальных наук». Широкие возможности для реализации императивов перформативной эпистемической матрицы на уровне исследовательской практики открылись сравнительно недавно, и связаны с распространением цифровых технологий, изменяющих как фактуальные основания знания, так и методы социальных наук. В контексте цифрового поворота ведется поиск эпистемологии, которая может задать новые векторы для развития исследовательской методологии социальных наук в контексте распространения цифровых данных. Цифровые данные имеют ряд характеристик, отличающих их от данных статистики, опросов и интервью, с которыми долгое время работали социологи: эти данные производятся без вмешательства социолога, динамичны, многочисленны, масштабируемы, отражают сами действия, а не описания деятельности. В то же время, в отличие от привычных социологам данных, цифровые данные социотехнически сконструированы, неструктурированы, часто недоступны без специальных прав доступа или программных продуктов, подвержены многочисленным смещениям, имеют ограниченную репрезентативность. Чтобы получить значимые результаты при работе с цифровыми данными, нужны не только новые методы, но фундаментальное переопределение представлений о социальной реальности и социологической методологии. В контексте этих изменений, перформативная матрица может рассматриваться в качестве общей рамки концептуализации новых особенностей социального познания.

Параграф 6.2. «Трансформация исследовательской перспективы под влиянием цифровых технологий». Цифровые технологии расширяют сферу наблюдения за действиями людей: наблюдение становится неограниченным, всепроникающим и повсеместным. Для обозначения нового характера наблюдения Д. Лион и З. Бауман предложили метафору

«текущего наблюдения»⁶. Задача текущего наблюдения состоит в том, чтобы осуществлять мониторинг и предсказание различных паттернов поведения на основании неструктурированных данных. Такое наблюдение не предполагает априорного выделения параметров и категорий, вместо этого осуществляется сбор всех данных, из которых потом может осуществляться более целенаправленный отбор. Данные структурируются постфактум, когда в их совокупности идет поиск определенных паттернов, в соответствии с конкретными исследовательскими задачами. Функция наблюдения переходит от исследователя к техническим средствам, а за исследователем закрепляется функция практического конструирования знаний из доступных данных. Тем самым реализуется императив перформативной матрицы, состоящий в замещении позиции наблюдателя позицией практика, комбинирующего данные в соответствии с целями и задачами исследования. Проблема доступа к данным, который часто невозможен без специальных технических средств и прав, высвечивает такой аспект перформативной матрицы, как зависимость производства знания от сетей и материальных ресурсов. Субъект познания приобретает распределенный характер, поскольку для полноценной работы с цифровыми данными необходимо взаимодействие со специалистами других дисциплин, в первую очередь, из области компьютерных наук.

Параграф 6.3. «Пересмотр теоретических моделей». Трансформация характера доступных социологам данных влечет за собой изменение языка описания и необходимость модификации основных социологических моделей – модели социальной реальности и социального актора. Одно из возможных направлений модификации модели социальной реальности в контексте использования цифровых данных, обозначил Б. Латур, предложив вместо господствующей двухуровневой модели, модель «одного уровня»⁷. С точки зрения Латура, выделение двух уровней социальной реальности – микро-/макро-, действие/структура, индивид/общество, представляет собой не столько отражение существования двух сфер социальной реальности, сколько следствие определенного этапа развития методов работы с данными – при медленном и затратном доступе к данным, понятия «часть» и «целое» структурируют сбор данных и составляют основу их интерпретации. Цифровые технологии позволяют менять масштаб данных и делают излишним выделение микро- и макро-уровней социальной реальности, поскольку исследователи могут «переключаться» между уровнями, прослеживая связи, в которые включен отдельный человек.

Отсутствие в цифровых данных надежной социально-демографической информации и увеличение объема информации о самих действиях ведет к переосмыслению модели социального актора и к трансформации моделей

⁶ Lyon D., Bauman Z. *The Liquid Surveillance: A Conversation*. Oxford, 2013.

⁷ Latour B., Jensen P., Venturini T., Grauwin S., Boullier D. *The Whole is Always Smaller Than It's Parts – A Digital Test of Gabriel Tarde's Monads* // *British Journal of Sociology*. 2012. N 63 (4). P. 590 – 615.

объяснения. Вместо того, чтобы объяснять действия индивидуальными характеристиками, появляется возможность строить предположения об этих характеристиках на основании данных о действиях. В условиях, когда социально-демографические характеристики перестают рассматриваться в качестве основного способа организации социальных данных, правомерно говорить о репрезентации не индивидов, а моделей поведения, зон внимания, категориальных структур и тематик обсуждения. Постдемографическая модель социального актора предполагает, что социальные действия объясняются не демографическими характеристиками или институциональным контекстом, а предыдущими действиями и выборами. Подобный анализ позволяет выяснить, как потоки информации, проходящие по сетям, формируют устойчивые модели предпочтений и социальных ролей, а также предсказывать будущие действия на основе выявления текущих паттернов поведения.

Параграф 6.4. «Координаты трансформации исследовательских методов». Следствием распространения цифровых данных становится переосмысление общей логики исследования: отпадает необходимость в абстрактных теориях, структурирующих сбор данных, но появляется необходимость в методах, дающих возможность вывести закономерности из данных и в моделях, позволяющих интерпретировать выявленные закономерности. При работе с цифровыми данными на первый план выходят методы математической обработки, причем развитие средств обработки больших массивов данных устраняет необходимость различения «глубоких качественных» и «поверхностных количественных» методов. Важным преимуществом развития цифровых технологий для социологии является возможность перехода к неопросным, нереактивным методам получения социологических данных. Социолог, использующий опросные методы, действует в условиях искусственной экспериментальной ситуации. Необходимость создания такой ситуации отпадает, когда появляется возможность анализировать изначально цифровые данные. Распространение нереактивных методов с использованием цифровых данных имеет большие перспективы при изучении сензитивных тем, труднодоступных и стигматизируемых групп. В параграфе представлены примеры авторских исследований, демонстрирующих, как при изучении проблем людей, живущих с ВИЧ, анализ цифровых данных из социальных медиа позволил выявить особенности влияния стигматизации на принятие или сокрытие ВИЧ-статуса и факторы, влияющие на решение о приеме лекарственных препаратов. В отличие от использования опросных методов, аналитическая работа разворачивалась в тех плоскостях, которые были заданы самими данными, и анализ высказываний пользователей позволил раскрыть ряд сензитивных аспектов, о которых информанты вряд ли стали бы сообщать в рамках интервью. Делается вывод, что распространение цифровых данных актуализирует такие характеристики перформативной эпистемической матрицы, как включенность личностного знания в реализацию

исследовательских методов и трактовка метода, как средства конструирования реальности.

В Заключении сформулированы основные выводы диссертационного исследования. Артикулируются основные различия между рассмотренными типами эпистемических матриц по таким аспектам. Анализ эпистемической конфигурации социологического знания, позволяющий соотнести между собой различные модели исследовательской деятельности, трактуется как перспективный путь определения направления развития социологической методологии в условиях изменения фундаментальной логики социального познания с учетом многообразия парадигм, теорий и подходов, существующих в современной социологии.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ:

1. Дудина В. И. Социологический метод: от классической к постнеклассической точке зрения// Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – № 3. – С. 58 – 66. (0,7 п.л.).
2. Дудина В. И. Социология в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургском государственном университете// Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – № 3. – С. 153 – 157. (В соавт. – Е.А.Островская). (0,4 п.л.).
3. Дудина В. И. Социология в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургском государственном университете // Социологические исследования. – 2000 – № 2. – С. 140 – 141. (В соавт. – Е.А. Островская). (0,2 п.л.).
4. Дудина В. И. Социологическое знание в контексте эпистемологической легитимации: от автономии фактов к дисциплинарной автономии// Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – № 3. – С. 40 – 54. (1, 2 п.л.).
5. Дудина В. И. Экспертные культуры и скрытая учебная программа в высшем образовании// Журнал социологии и социальной антропологии.– 2005. – № 2. – С. 93 – 109. (1, 3 п.л.).
6. Дудина В. И. Здоровье и социальное неравенство: модели объяснения// Вестник СПбГУ. Сер. 12. – 2010. – Вып. 3. С. 311 – 317. (0,6 п.л.).
7. Дудина В. И. Формальные нормы и неформальные практики в работе персонала выездных бригад скорой медицинской помощи// Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – № 2. – С. 165 – 181. (В соавт. – М. А. Коробенкова). (1,1 п.л.).
8. Дудина В.И. Эпистемологическая реконфигурация социального знания: от репрезентации к перформативности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – № 3. – С. 35-50. (1 п.л.)

9. Дудина В. И. Социология как экспертная система, эпистемическая культура и поле производства знания // Вестник СПбГУ. Сер. 12. – 2012.– Вып. 4. – С. 115 – 121. (0,5 п.л.)
10. Дудина В. И. Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии // Социологические исследования. – 2013. – № 10. – С. 13 – 21. (0,8 п.л.)
11. Дудина В. И. «Принимать или не принимать»: страхи ВИЧ-инфицированных по поводу антиретровирусной терапии // Вестник СПбГУ. Сер. 12. – 2013.– Вып. 3. – С. 139 – 144. (В соавт. – Д. И.Юдина). (0,6 п.л.)
12. Дудина В. И. Социологическая методология в контексте многомерной эпистемологии // Вестник СПбГУ. Сер. 12. – 2015. – Вып. 1. – С. 107 – 117. (0,9 п.л.)
13. Дудина В. И. Субъективное неравенство, социальная сплоченность и политические реформы: на примере роста продолжительности жизни в Советском Союзе в 1985-1987 гг // Вестник СПбГУ. Сер. 12. – 2015. – Вып. 3. – С. 110 – 118. (0,8 п.л.)
14. Дудина В. И. Социологическое знание в контексте развития информационных технологий // Социологические исследования. – 2015. – № 6. – С. 13 – 22. (1 п.л.)
15. Дудина В. И. Применимость критериев оценки качества группового фокусированного интервью к результатам анализа тематического интернет-форума// Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – № 1. – С. 43-58. (1.1 п.л.)
16. Дудина В. И. Цифровые данные – потенциал развития социологического знания// Социологические исследования. – 2016. – № 9. – С. 21-30. (1 п.л.)
17. Дудина В. И. Семантическая сеть на биграммах как метод валидации результатов тематического моделирования в социологическом исследовании// Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – № 4. – С.71 – 83. (В соавт. – Д. И. Юдина). (1 п.л.)
18. Дудина В. И. Извлекая мнения из сети Интернет: могут ли методы анализа текстов заменить опросы общественного мнения? //Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2017. – № 5. – С. 63—78. (В соавт. – Д. И.Юдина). (1.1 п.л.)
19. Дудина В. И. Стратегии метатеоретизирования в социологии//Социологические исследования. – 2017. – № 12. – С. 10-19. (1 п.л.)
20. Дудина В. И. Куда идет европейская социология: размышления по итогам 13-й конференции Европейской социологической ассоциации// Вестник СПбГУ. Социология. – 2017. – Вып. 4. – С. 469 – 472. (В соавт. – Е.С. Богомякова). (0.4 п.л.)
21. Дудина В.И. Стигматизация людей, живущих с ВИЧ/СПИД, и проблема раскрытия статуса: анализ высказываний пользователей онлайн-

форума// Вестник СПбГУ. Социология. – 2018. – Вып. 1. (В соавт. – К. Н. Артамонова). (1 п.л.).

Монографии:

22. Дудина В. И. Эпистемические матрицы социологического знания. — Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета, 2013. 224 с. (13.02 п.л.).

Публикации в других изданиях:

23. Дудина В. И. Деятельностная и структурная модели социальных изменений // Социология развития: современные теории и проблемы. – СПб. 1999. – С. 29 – 44. (0.5 п.л.).

24. Дудина В. И. Социологическое образование в России: итоги, проблемы, перспективы// Вестник СПбГУ. Сер. 6. – 1999. – Вып. 3. – № 6. С. 114 – 117. (0, 3 п.л.).

25. Дудина В. И. Социологическая методология сквозь призму конструирования исследовательской позиции// Социология и общество. Тезисы первого всероссийского социологического конгресса. – СПб.: Скифия, 2000. – С. 496 – 497. (0,2 п.л.).

26. Дудина В. И. Сравнительная эпистемология социального знания// Рабочие тетради по компаративистике. Вып.1: Сравнительные исследования в социальных и гуманитарных науках: методология и история. – СПб.: Социологическое общ-во им. М.М.Ковалевского, 2001. – С. 15 – 18. (0,25 п.л.).

27. Дудина В. И. Социальное знание в меняющемся обществе: к новой эпистемологической стратегии// Рабочие тетради по компаративистике. Вып. 2: Сравнительные исследования в политических и социальных науках. – СПб.: Социологическое общ-во им. М.М.Ковалевского, 2001. (0,25 п.л.)

28. Дудина В. И. Сравнительная эпистемология социального знания// КОМПАРАТИВИСТИКА: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. – СПб.: Социологическое общ-во им. М.М.Ковалевского, 2001. – С.12 – 26. (1 п.л.).

29. Дудина В. И. Развитие социологической методологии в контексте эпистемологической легитимации// Возможности и границы использования социологических методов и социальных технологий в современном обществе. – СПб: АМК «МарКо», 2002. – С. 33 – 35. (0.2 п.л.).

30. Дудина В. И. Методы прикладной социологии. Цикл лекций. Учебное пособие/ [В. Г. Овсянников, С. Е. Дубровская]; Под ред. В. Г. Овсянникова. – СПб: Изд-во Санкт-петербургского гос. университета, 2002. (9 п.л./3 п.л.).

31. Дудина В. И. К исследованию эпистемологической конфигурации социологического знания//Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 6. – Вып. 1. – 2004. – С. 89 – 97. (0.8 п.л.).

32. Дудина В. И. Прикладная социология: социальное моделирование и программирование. Учебное пособие/ [П.П. Дерюгин, С. Е. Дубровская, В. Г. Овсянников]; Под ред. В. Г. Овсянникова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.. (10 п.л./3 п.л.).

33. Дудина В. И. Социальная статика и динамика //Философские вопросы теоретической социологии. Под ред. В. Я. Ельмеева, Ю.И. Ефимова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 543-565. (1 п.л.).
34. Dudina V. Imagined crisis of social theory: the shift from representation to performativity // Torino, 28-31 August 2013 ESA 11th Conference Crisis, Critique and Change Abstract Book. — Turin, 2013. P. 1253. (0.1 п.л.).
35. Dudina V. Epistemological reconfiguration of social knowledge in the context of practical turn: from representation to performativity // Abstracts of Conference "From "Practice Turn" to "Praxeological Mainstream", 6-7 June, 2013, Vienna, Austria. http://www.ihs.ac.at/conferences/practices/files/Dudina_abstract.pdf (0.1 п.л.).
36. Дудина В.И. Эпистемологические основания исследовательской стратегии в интерпретативной социологии // Седьмые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 15-16 ноября 2012 года. — Санкт-Петербург, 2012. — С. 80 – 83. (0.3 п.л.).
37. Дудина В.И. К многомерной эпистемологии социологического знания // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. — М.: РОС, 2012. С. 309-315. (0.3 п.л.).
38. Dudina V. Performative Methodology in the Context of Changing Society Changing Society. Conference programme and abstract book. BSA Annual Conference 2014. University of Leeds, UK. Leeds, 2014. p. 45. (0.1 п.л.).
39. Dudina V. Performative Turn and Epistemological Reconfiguration of Social Knowledge // XVIII ISA World Congress of Sociology, 13-19 July 2014. Yokohama Japan. <https://isaconf.confex.com/isaconf/wc2014/webprogram/Paper53005.html> (0.1 п.л.).
40. Дудина В.И. Эпистемические матрицы исследовательской деятельности в социологии // Проблемы теоретической социологии. Вып. 10.– СПб.: Издат. центр эконом. ф-та СПбГУ, 2014. С. 94 – 102. (1 п.л.).
41. Дудина В.И. Методология и методы социологического исследования: Учебник / [В.И. Дудина, Е.Э. Смирнова, В.В. Василькова и др.]; Под ред. В.И.Дудиной, Е.Э. Смирновой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. – 388 с. (29.5 п.л.).
42. Dudina V. Challenges to Social Theory in Digital Era //Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract Book. Prague, 2015. P. 1261. (0.1 п.л.).
43. Дудина В.И. Тенденции развития прикладной социологии в пространстве Больших Данных//Всероссийская научная конференция X Ковалевские чтения, Материалы научно-практической конференции 13-15 ноября 2015 г. – СПб.: Скифия-принт, 2015. – С. 976 – 978. (0,2 п.л.).
44. Дудина В.И. Социологическое знание в эпоху «больших данных»// Информация – Коммуникация – Общество (ИКЛ-2016): Труды XIII Всероссийской научной конференции. – СПб: изд-во СПбГЭТУ, 2016. – С. 228 – 232. (0.3 п.л.).

45. Dudina V. Transformations of the sociological methodology in the context of digital data// 3d ISA Forum of Sociology. The Futures we want: global sociology and the struggles for a better world. Book of abstracts. 10-14 July 2016, Vienna, Austria. p. 193. (0.1 п.л.).
46. Дудина В.И. Социальные медиа как новое исследовательское поле социальных наук// Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке. – СПб.: Скифия-принт, 2016. – С. 247 – 248. (0.1 п.л.).
47. Дудина В.И. Тенденции в развитии социологической методологии: взгляд в будущее// Материалы V Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость». Российское общество социологов. 2016. – С. 801 – 808. (0.4 п.л.).
48. Дудина В.И. Возможности использования данных из социальных медиа в исследовании общественного сознания// Материалы V Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость». Российское общество социологов. 2016. – С. 901-909. (0.4 п.л.).
49. Дудина В.И. Переосмысление социологического теоретизирования в свете развития цифровых технологий//Пятые Кареевские чтения. История и теория социологии. – СПб., 2016. – С. 87-89. (0.3 п.л.).
50. Дудина В.И. Цифровые данные и трансформация социологической методологии // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15—16 марта 2017 г. — М.: АО «ВЦИОМ», 2017. – С. 1596 – 1599. (0.4 п.л.).

Публикации в рецензируемых научных журналах, входящих в

международные реферативные базы данных (Web of Science, Scopus)

51. Dudina V. The influence of stigma and discrimination on female sex workers access to HIV services in St. Petersburg, Russia // AIDS and Behavior, 2013. Vol. 23(3). P. 2597-2603. (В соавт. – E. King, S. Maman J. Bowling, K. Moracco) (0.9 п.л.).
52. Dudina V. Motivators and barriers to HIV testing among street-based female sex workers in St. Petersburg, Russia //Global Public Health. 2017 Vol. 12(7). P. 876– 891. (В соавт. – E. King, S. Maman, K. Moracco, J. Bowling). (1.3 п.л.).
53. Dudina V. Fears about antiretroviral therapy among users of the internet forum for people living with HIV/AIDS in Russia //AIDS Care. 2017. Vol. 29 (2). P. 268 – 270. (В соавт. – D. Judina, E. King). (0.6 п.л.).